

Литературная позиция газеты «Московский городской листок»

В 1840-е гг. условия для развития газетной журналистики в России не были благоприятными прежде всего из-за правительственной политики в области печати. Понимая, что газета в силу своей оперативности и дешевизны способна играть большую роль в формировании общественного мнения, правительство крайне скупно выдавало права на издание частных газет. Отмечая эту причину, исследователи перечисляют вытекающие из нее проблемы для издателей: нерегулярный выпуск, краткий срок существования издания, преобладание развлекательных и заимствованных текстов, отсутствие системности в печатаемых материалах [см.: Есин 1971: 21—23]. В результате частных газет было мало, их распространение было затруднено (розничная продажа и организованная доставка подписчикам отсутствовали), печатание платных объявлений, как и политических новостей запрещалось (всем, кроме «Северной пчелы») [см.: Березина 2005: 102—105].

В этих условиях неожиданно появилась первая московская ежедневная газета «Московский городской листок» (далее — МГЛ), выходившая в течение 1847 г., но все же закрывшаяся по цензурным причинам. Она никогда не становилась предметом специального научного исследования. Самую развернутую характеристику газете дал А. И. Станько [см.: Станько 1969: 115], перечисливший основные жанры статей, представленных в газете, и имена некоторых сотрудников.

Материалы МГЛ отличались пестротой: статьи, относящиеся к разным областям научного знания, записи лекций профессоров Московского университета, художественные произведения известных авторов и критические статьи соседствовали там с перепечатанными из губернских газет новостями, справочной информацией о ценах и объявлениями об увеселениях. Номер газеты состоял из двух листов. На передовице помещались

сообщения о новых назначениях на должности и высочайших наградах, срочные местные новости (например, о пожарах) или некролог известного москвича. Далее следовали городская хроника или статистические материалы и отчеты, касающиеся жизни города. Основным материалом номера обычно служила большая статья научной, культурологической или исторической тематики, часто разделявшаяся на несколько номеров. В большинстве номеров в «подвале» печатались стихотворения и небольшие критические и библиографические заметки. Обязательными рубриками, помещаемыми на последней странице в каждом номере были «Зрелища и увеселения», представлявшие предполагаемую программу развлечений на текущий день и фактическую за два-три предыдущих дня, и список приехавших в Москву и выехавших из нее за предыдущий день. Иногда в газете был отдел «Смесь», где печатались интересные сообщения из иностранных изданий без указания источников.

Программные установки критического отдела и принципы отбора литературного материала на страницах газеты прямо не формулируются. В программе МГЛ, напечатанной в № 128 газеты «Московские ведомости» за 28 ноября 1846 г., будущий издатель В. Н. Драшусов определяет проблему, которую должно решить новое издание, так:

В Москве круг людей образованных велик <...> (и они испытывают. — Е. Я.) потребность в умственной пище. Необходимость заставляет искать ее преимущественно в сочинениях иностранных писателей. <...> Петербургские периодические издания, вмещающие в себя почти всю ежегодную деятельность русской литературы <...> не пополняют для Москвы недостатка местной литературной деятельности [Драшусов 1846: 981].

У издателя имелись основания так думать: необходимо учитывать, что в то время, когда задумывалось новое издание, «Московские ведомости» еще только набирали силу (по-настоящему влиятельной газетой они стали позже, при Е. Ф. Корше), а в «Москвитянин» еще

не пришла «молодая редакция». Несмотря на общность круга авторов с «Москвитянином», идеологически МГЛ от него ощутимо отличается (но этот вопрос приходится оставить за рамками данной статьи).

Покровителем издания был московский генерал-губернатор А. Г. Щербатов. Добиваясь разрешения на издание новой газеты, он вел переписку с министром народного просвещения С. С. Уваровым, министром внутренних дел Л. В. Перовским и Московским цензурным комитетом [см.: Дело о разрешении 1846]. Главными целями нового издания генерал-губернатор называет вовсе не поощрение московской литературной деятельности, а сообщение городских новостей непосредственно от местного начальства и «оживление московской городской жизни» [Дело о разрешении 1846: 9]. В цензурном разрешении на имя князя Щербатова газета названа «полицейской», но действительное отношение газеты к ведомству московской полиции или генерал-губернаторства установить не удалось. В. Г. Чернуха, говоря об официозных изданиях 1860—1870 гг., отмечает, что они выражали не позицию правительства, а позицию ведомств и министерств, а потому трудно провести границу между официозными изданиями и неофициозными [см.: Чернуха 1989: 99—100]. То же можно сказать и о МГЛ, который, хоть и имел «официальную» часть, где печатались новости «Высшего губернского начальства», но все же считался газетой частной.

Автором идеи новой газеты Щербатов называет коллежского асессора В. Н. Драшусова, брата профессора астрономии А. Н. Драшусова. Супруга астронома Елизавета Алексеевна (в девичестве Ошанина, вдова литератора Н. И. Карлгофа) по субботам собирала у себя деятелей литературы и науки и, будучи писательницей, «чрезвычайно интересовалась всем, что касалось культурной и литературной жизни» [Драшусова 2004: 174]. Драшусова принимала непосредственное участие в издании МГЛ, о чем оставила воспоминания:

В эту зиму я была чрезвычайно занята. В<ладимир> Н<иколаевич> Д<рашусов> задумал издавать «Городской листок», ежедневную газету,

долженствующую передавать течение московской жизни, политические события и вместе имела (sic! — Е. Я.) литературное значение [Драшусова 2004: 230].

Говоря о литературном значении МГЛ, мемуаристка не преувеличивает: газета чрезвычайно богата литературным материалом, за один год в ней было опубликовано:

- более 30 художественных прозаических произведений, в том числе таких авторов, как М. Н. Загоскин, А. Ф. Вельтман, Е. В. Вельтман, Е. П. Гребенка, А. И. Герцен, А. Н. Островский, Ю. В. Жадовская, А. А. Григорьев;
- переводы из произведений Г.-Х. Андерсена, Ч. Диккенса, А. Мюссе;
- более 70 стихотворных произведений К. К. Павловой, Ю. В. Жадовской, Н. В. Берга, М. А. Дмитриева, Ф. Б. Миллера, Д. И. Коптева, А. А. Фета, Григорьева;
- около 60 оригинальных и переводных материалов, связанных с литературной критикой и библиографией, большая часть которых принадлежит перу Григорьева.

Кроме того, в газете живо обсуждались вопросы, связанные с современной русской литературой: роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история» [см.: МГЛ. № 67: 268—269; № 126: 505], актуальные направления прозы [см.: МГЛ. № 39: 158; № 43: 173; № 51: 203—204; № 52: 207—209], положение поэзии в русской литературе 1840-х гг. [см.: МГЛ. № 52: 207—209; № 183: 732—733; № 185: 741—742]. МГЛ первым из московских изданий присоединился к полемике вокруг «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя [см.: МГЛ. № 51: 203—204; № 52: 207—209; № 56: 225—226; № 62: 249—250; № 63: 254—256; № 155: 622].

Предполагая, что новая газета будет иметь максимально широкий круг читателей не только в Москве, но даже и за ее пределами, Драшусов считал, что статьи должны быть не только занимательны, но и хорошо написаны [см.: Драшусов 1846: 981]. Он надеялся, что газета будет способствовать формированию того среднего городского класса, где человек идентифицирует себя не

с сословием, а с городом, и в конечном счете — широкому распространению европейского просвещения. Вообще идеалом издателя, насколько можно судить, являлись современные издания Франции, Германии и Англии, где, как пишет в статье «Исторический обзор московской журналистики» разделяющий это мнение сотрудник И. С., «критика оживила журналистику, открыла поприще к борьбе мнений, в коей публика принимала участие» [МГЛ. № 29: 116]. Несмотря на невозможность настоящей общественной полемики в издании николаевского времени, Драшусов как редактор и издатель, насколько мог, поощрял «борьбу мнений» на страницах издания, публикуя негативные отзывы на материалы собственной газеты и диспуты. Так, издатель считает «украшением своей газеты» ученый спор двух археологов К. Ф. Рудье и И. Б. Ауэрбаха об ископаемых остатках в подмосковных песчаниках, более двух месяцев длившийся на страницах МГЛ. Хваля умение спорящих сторон достигнуть примирения, Драшусов пользуется случаем охарактеризовать литературную полемику:

Справедливо: в русской литературе полемика между двух лиц обыкновенно кончается объявлением одного из спорящих, что не хочет больше говорить со своим возражателем, или даже объявлением, что нельзя, не стоит более с ним говорить. Понять друг друга, столковаться, кончить спор, на чем-либо согласившись, — это не обычай. У нас любят повторять: мы стоим на своем убеждении — но стоят иногда по той причине, что от этого не будет хуже; печатно уступить опасаются, и опасаются едва ли не в тех мыслях, что этим можно потерять доверие читателей. <...> Думать так о читателях — это иметь слишком невысокое о них мнение; это рассчитывать, что они не разберут дела сами, пока мы не упростим его для них нашим добродетельным признанием [МГЛ. № 180: 721].

Идея формирования идеального московского читателя повлияла и на публикации МГЛ, касающиеся Гоголя. В начале 1847 г. появление «Выбранных мест из переписки с друзьями» вызвало острую полемику, к которой присоединился и МГЛ. Драшусов в заметке «Несколько слов от редакции по поводу мнений

о книге Гоголя» [см.: Драшусов 1847: 255] с неодобрением отзываясь о двух лагерях, на которые разделилась общественность по отношению к этому последнему сочинению Гоголя. Под первым лагерем, где утверждают, что «Гоголь изменил самому себе», МГЛ подразумевает В. Г. Белинского, напечатавшего рецензию «Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя» в № 2 журнала «Современник», и Н. Ф. Павлова, напечатавшего свои «Письма к Гоголю» в № 28, 38 и 46 газеты «Московские ведомости». Под вторым лагерем, где говорят: «Не правда ли мы умны и проницательны, если такой даровитый человек, как Гоголь, только после долгих заблуждений обратился на ту дорогу, которую мы угадали тотчас, выбрали сразу?» [Драшусов 1847: 255] — подразумевается Ф. В. Булгарин, опубликовавший свою рецензию в № 8 «Северной пчелы». Важно, что Драшусов не согласен с обеими точками зрения: оба «лагеря», о которых он говорит, находятся в Петербурге, и МГЛ таким образом утверждает существование некоторой «московской» точки зрения на актуальные события. МГЛ занимает позицию над литературной и идеологической борьбой, стремясь объединить московских читателей вне зависимости от крайних воззрений и одновременно сгладить острые углы, умерить накал страстей между противоборствующими сторонами.

В том же номере была опубликована статья Григорьева «Гоголь и его последняя книга», где автор утверждал, что «поэт даже и не думал изменять своей прежней деятельности <...> последняя книга его только поясняет эту же самую деятельность» [Григорьев 1847: 225]. Позже Григорьев неоднократно подчеркивал, что был одним из немногих критиков (указывая на себя и С. П. Шевырева), не присоединившихся к Белинскому в осуждении книги Гоголя. По замечанию К. Ю. Зубкова, в полемике с Белинским Григорьев прямо опирался на идеи Шевырева [см.: Современник 2015: 804]. Гоголь получил статью весной 1847 г. в Италии и в письме к Шевыреву от 25 мая отозвался о ней так:

Статья Григорьева, довольно молодая, говорит больше в пользу критика, чем моей книги. Он, без сомнения, юноша очень благородной души и прекрасных стремлений. Временный гегелизм пройдет, и он станет ближе к тому источнику, откуда черплется истина [цит. по: Григорьев 1999: 335].

Осенью 1848 г. Григорьев, ободренный этим благосклонным отзывом, о котором ему рассказал Шевырев, вступил с Гоголем в переписку, где развил идеи, высказанные ранее. Положительная оценка творчества позднего Гоголя, высказанная Григорьевым, стала частью литературной позиции МГЛ.

Драшусов подписывал все материалы Григорьева лишь инициалами (есть основания предполагать, что некоторые анонимные материалы МГЛ тоже принадлежат перу Григорьева). Напомним, что издатель журнала «Репертуар и пантеон», с которым Григорьев сотрудничал в 1846 г., И. П. Песоцкий, подписывал его «теоретические» статьи полным именем, поскольку, как отмечает А. С. Федотов, видел «репутационный потенциал» в имени молодого сотрудника [Федотов 2016: 139]. Драшусов, вероятно, понимая несоответствие жанра ежедневной газеты глубине высказываемых Григорьевым идей, поступает противоположным образом. В результате даже вышла неловкость: в одном из номеров МГЛ было опубликовано письмо А. Д. Галахова к редактору с просьбой объявить, что сотрудник, пишущий в газету под псевдонимом «А. Г.», — не он, т. е. не Алексей Галахов [см.: МГЛ. № 65: 262]. Однако Драшусов стремился к тому, чтобы голос критика «растворился» в общем голосе газеты, чтобы идеи и мнения Григорьева стали идеями и мнениями МГЛ. Статьи, заметки и комментарии самого Драшусова никогда не противоречили мнениям, высказанным в статьях Григорьева, хотя и редко содержали те же суждения. Так, в замечаниях от редакции к переводной статье Р.-Г.-Э. Тальяндье «Литература и писатели во Франции в течение последних десяти лет. (Статья из *Revue des deux mondes*)» Драшусов пишет: «Замечательно, что многое в этой статье как бы отзыв на книгу нашего Гоголя, сказавшего, что

со словом надобно обходиться честно», — и вновь подчеркивает, что его издание не принадлежит ни к тому лагерю, который хвалит Гоголя за «Выбранные места», ни к тому, что ругает его: «Мы не осмелились ни поносить его, ни ласкать, как ученика, по головке» [МГЛ. № 159: 636—637]. В письме М. П. Погодину от 28 декабря 1847 г. Григорьев характеризует свои отношения с издателем так: «Я могу работать за весьма умеренную плату как вол — но мне больше всего нужно доверие и известная независимость. В. Н. Драшусов понимал это» [Григорьев 1999: 26]. Материалы МГЛ свидетельствуют, что решающее слово, конечная оценка литературных явлений оставались за Григорьевым, его голос, его особое мнение неизбежно заглушали все остальные голоса, и, по-видимому, такое положение вещей издателя устраивало.

Если говорить о литературной позиции МГЛ в целом, то приходится отметить, что в отборе авторов и материалов, а также в комментариях издателя некоторые принципы, безусловно, прослеживаются, но отсутствие разнообразия и малое количество сотрудников не дали МГЛ в полной мере проявить свой потенциал. Драшусова об этом пишет:

Несмотря на дружбу к издателям и на ревностное сотрудничество, я находила, что «Городскому листку» многого не доставало: определенного направления, которое ясно выражалось бы, оживления и разнообразия [Драшусова 2004: 230].

Однако МГЛ стремился печатать материалы актуальные, горячо обсуждаемые, пользующиеся интересом и неоднозначные в плане высказываемых в них оценок. Кажется, именно такая установка издателя обеспечила газете, просуществовавшей всего год, столь впечатляющий список известных сотрудников и место в истории русской периодической печати.

СОКРАЩЕНИЯ

Березина 2005 — *Березина В. Г.* Взгляд на типологию русской периодики 1830—1840-х годов (Журнал. Альманах. Газета) // Березина В. Г. Белинский — журналист. (Теория. История. Практика). СПб., 2005.

Григорьев 1847 — *Григорьев А. А.* Гоголь и его последняя книга // Московский городской листок. 1847. № 56. С. 225—226; № 62. С. 249—250; № 63. С. 254; № 64. С. 255—256.

Григорьев 1999 — *Григорьев А. А.* Письма. М., 1999.

Дело о разрешении 1846 — Дело о разрешении московскому военному генерал-губернатору на издание полицейской газеты «Московский городской листок» // Российский государственный исторический архив. Ф. 772. Оп. 1. № 1885.

Драшусов 1846 — *Драшусов В. Н.* Об издании «Московского городского листка» // Московские Ведомости. 1846. № 143. 28 нояб. С. 981.

Драшусов 1847 — *Драшусов В. Н.* Несколько слов от редакции по поводу мнений о книге Гоголя // Московский городской листок. 1847. № 56. С. 225.

Драшусова 2004 — Воспоминания Е. А. Драшусовой (1842—1847) // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 2004. Т. 13. С. 173—238.

Есин 1971 — *Есин Б. И.* Русская дореволюционная газета. 1702—1917 гг.: Краткий очерк. М., 1971.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Современник 2015 — *Вдовин А. В., Зубков К. Ю., Федотов А. С.* «Современник» против «Москвитянина»: литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. СПб., 2015.

Станько 1969 — *Станько А. И.* Русские газеты первой половины XIX века. Ростов, 1969.

Федотов 2016 — *Федотов А. С.* Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Тарту, 2016.

Чернуха 1989 — *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати: 60—70-е гг. XIX в. Л., 1989.